

Одно дело скульптор или живописец: их мастерские предусмотрены традицией... Но где же в таком случае помещается мастерская поэта? Ведь надо учесть, что у поэта особый материал: не глина, не гипс, не мрамор, не краски. Это — слово. Обычно говорят (и это действительно так), что поэт работает всегда и везде. У него нет нормированного рабочего дня. У него нет ни дня, ни ночи. Он живет в состоянии готовности номер один. Каждую минуту он может быть вызван на взлетную площадку стиха.

Мастерская поэта может находиться в палатке и в благоустроенной квартире, в паровой каюте и на горной тропе, в отсеке подводной лодки и в вагоне поезда, в окопе и на берегу моря... Везде! И везде он — участник общей нашей жизни, деятель, мастер, чут-

ше. Замысел произведения раскрывается в работе, мастер улавливает направление, в котором она движется.

Пойдем по скрытому туманом следу Блока. Скупые и выразительные записи его в дневнике и записных книжках помогут нам это сделать. Не много мы почерпнем из области стихотворной техники, ритмологии, поэтического синтаксиса. Зато почерпнем весьма ценные и глубокие прозрения в тайное тайных мастерства — волшебства. Многие годы я держу перед мысленным взором блоковские слова: «Всякое стихотворение — покрывало, растянутое на остриях нескольких слов. Эти слова светятся как звезды. Из-за них существует стихотворение. Тем оно темнее, чем отдаленнее эти слова от текста».

Говорят — «поэтический мир». Что значит

лее того — волшебное соотношение жизни и поэзии. «Я пишу, как дышу... Но дышу-то я воздухом века».

Вот о каком дыхании идет речь. Истинный поэт — средоточие интересов общества. Его нервы постоянно подключены к системе проводов, к системе всех коммуникаций общества и эпохи. «Время! Дай мне как следует вытянуть провод, чтоб недаром поэтом меня называли», — восклицает Михаил Светлов.

Даже без этого особого напоминания о веке мы не можем не ощущать связи дыхания времени с вдохновением поэта. В стихотворении Сергея Есенина «Мой путь» читаем:

Под окнами
Костер метели белой.
Мне девять лет,
Лежанка, бабка, кот...

Сколько она в себя вобрала! В ней концепция трудовой истории народа России, крестьянского происхождения ее армии. И не исчерпавшая ее глубины, сколько бы ни повторял ее. Вот для меня классический пример соотношения жизни и поэзии. И в то же время чудо искусства остается и, видимо, навсегда останется тайной таланта, индивидуальным, личным открытием художника. Можно рассказать, как написан «Медный всадник», но как написать «Медный всадник» никто не скажет.

Наиболее совершенные стихотворения — это живые организмы, они растут и развиваются вместе с нами, вместе с обществом. Это: «Я помню чудное мгновенье» и «Белеет парус одинокий». Это: «Люблю грозу в начале мая» и «Шепот, робкое дыханье...». Это: «О доблестях, о подвигах, о славе»... и «Чернеет дорога приморского сада...».

В 1926 году Маяковский написал статью «Как делать стихи?». Эта статья воевала против «романсово-критической обывательщины» в понимании поэтического творчества. Его рассказ о том, как создавалось стихотворение «Сергею Есенину», продолжает волновать силой и глубиной самонаблюдения и впечатляет картиной восстановленного самим автором творческого процесса.

Очень верно Маяковский в своей статье пишет: «Я не даю никаких правил для того, чтобы человек стал поэтом, чтобы он писал стихи. Таких правил вообще нет. Поэтом называется человек, который именно и создает эти самые поэтические правила». Опыт показывает, что созданные одним поэтом правила непригодны для другого поэта.

«Мастерская поэта» назвал я свой небольшой рассказ.

Но никакая мастерская не может существовать без главного. А главное... Как бы ни были разнообразны поэты, все они оставляют следы на земле, на земле людей. Как бы ни были разнохарактерны образы, созданные ими, они вписываются, не могут не вписываться в летопись общих славных дел трудового народа нашей страны.

Поэзия находится в постоянном сотрудничестве с жизнью нашего общества, с жизнью нашего народа. Она имеет в прошлом и в современности широко разветвленную корневую систему. Вместе с обществом она готовит светлое будущее, предвидит его и деятельно участвует в его формировании. Истинный талант не отгораживается от жизни, не допускает ни лубочного приукрашивания действительности, ни искусственного вытягивания теневых сторон.

В городской квартире, на строительной площадке и в заводском цехе, куда пришел поэт, под звездным небом, на пароходе — где бы ни была поэтическая мастерская, она находится во времени и в пространстве. Мастерская поэта — она всюду, где находится советский человек, где он делает дело, которому служит. И как бы ни была уединена мастерская поэта, она находится на широтах и долготах созидательной жизни народа. И героев не надо выдумывать, они рядом с нами.

Вечерние беседы: встречи с прекрасным

МАСТЕРСКАЯ ПОЭТА

Сегодняшнюю беседу ведет поэт Лев ОЗЕРОВ

кое песенное эхо народа. И всегда он говорит возвышающую правду о нашем времени. Но я хочу говорить сегодня о рабочей комнате поэта, о рабочем столе его. О рукописи, лежащей на столе. Если открыть дверь мастерской, сразу же и виден стол. Он сразу же и становится символом работы. Но, войдя в мастерскую поэта, бесполезно стоять в сторонке, наблюдать. Что увидишь? Сокровенный ход работы, золотая цепочка (переживание — замысел — образ — слово) не видны для постороннего.

Нельзя, стоя в углу рабочей комнаты Блока, проследить за тем, как создавался «Соловьиный сад». Поэт ввиду ненаглядности, что ли, непредметности своего материала — слова — держит мастерскую в себе самом. «Все мое при мне» — это изречение римлян применимо к поэту.

Меня глубоко волнует признание Бунина о первом его ощущении, когда он садится за письменный стол: «Я часто приступаю к своей работе, не только не имея в голове готовой фабулы, но и как-то еще не обладая вполне пониманием ее окончательной цели. Только какой-то самый общий смысл брезжит мне, когда я приступаю к ней». Это бунинское «брезжит» значит для меня очень много. Оно как бы говорит мне: произведение не всегда, далеко не всегда целиком складывается в ду-

создать свой поэтический мир? Это — создать такой мир, где может поселиться сколько угодно читателей... Михаил Светлов — хозяин нежного и ироничного, грустного и веселого мира; этот мир — светловский по праву и принадлежности. «Поэзия — моя держава, я вечный подданный ее».

Для того чтобы войти в его поэтический мир, в его державу, не надо предъявлять пропуск. Этот мир открыт для всех, чувствующих, любящих, мечтающих. Город поэта — под открытым небом. Это — палатки изыскателей, ищущих нефть. Это — собрание добрых людей, на котором все на равных началах — от Дон Кихота до юного пионера. Мастерская поэта была открыта для всех. Созданное на улице, в поезде, в разговоре, в общении за столом он записывал. Много позднее, уже дома, он раздумывал над написанным. Зачеркивал, правил, искал. Говорил: одно отличное стихотворение — это больше, чем одно отличное и несколько посредственных...

«Я пишу, как дышу», — просто и в то же время глубоко говорит Вера Звягинцева о своей работе. В этом легко усматривается прямая зависимость между дыханием поэта и его вдохновением. Здесь важно не только корневое сочетание слов — дыхание и вдохновение, но и существенная близость, нет, бо-

В этих строках целая повесть жизни автора, еще шире — кусок истории. Это выше и больше описания, это — пейзаж души автора. Это нельзя увидеть или сочинить, это надо пережить. Так пережить, чтобы быть свободным в выборе изобразительных средств.

В стихотворении «Ворон и лавочник» Николай Тихонов описывает подбитого ворона. Он проходил перед лавочником, смеявшимся над птицей, — «Человек невесте зачем был преисполнен чувств». И что же?

...камень поднял лавочник
как бы со дна души.

Камень, как известно, поднимают. Это первый план. Второй: поднимают со дна души. Читатель видит, что это точное словесное определение поступка одновременно является наиболее верной характеристикой лавочника и его круга.

В давнем моем стихотворении был образ: «река перебирает четки». Мне казалось, что я передаю этим игру солнца на воде, движущиеся блики. Возможно. Но этот образ совершенно неуместен в отношении воспетого в стихотворении Днепра. Стихи не состоялись. Образ, строку, слово, быть может, я и нашел, но стихотворения нет. Не было.

Есть у Пушкина строка:
Как пахарь, битва отдыхает.